

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нашу маму зовут Лелия Пикабия. Слишком красивое имя, чтобы за ним не скрывалась боль. Детьми мы не знали, откуда у нее такая фамилия. Мама никогда не говорила ни о своем отце, ни о его родителях.

В 1985 году ее бабушка (и наша прабабушка) Габриэль Бюффе-Пика биа умерла в возрасте ста четырех лет. Мы не были на ее похоронах по той простой причине, что не знали о ее существовании. Уже гораздо позже, будучи взрослыми, мы поняли, что ее фигуру всегда окружало молчание. Эта женщина — словно неизвестный, затерянный памятник. Неизвестный нам. Затерянный в истории искусства. В чем же была причина этого двойного исчезновения?

И тогда мы принялись восстанавливать историю жизни Габриэль Бюффе — теоретика визионерского искусства, жены Франсиса Пикабия, любовницы Марселя Дюшана и близкой подруги Гийома Аполлинера.

Мы написали эту книжку в четыре руки, надеясь, что в такой причуде будет своя красота. Провели писательский эксперимент, переплетая наши слова, чтобы остался

только один, общий голос. Нам хотелось испытать утерянную радость — снова оказаться вдвоем, забавляясь, как когда-то в детстве, — со всей серьезностью играющего ребенка. Две сестры вместе всегда остаются детьми.

Мы играли, но ничего не придумывали; в этом не было нужды — ведь жизнь Габриэль сама по себе подобна роману. Работая над книгой, мы опирались на исторические источники, интервью и материалы из архивов*. Тем не менее мы не историки и вовсе не хотим ими казаться. Надеемся, специалисты по искусству нас поймут: при всей скрупулезности исследовательской работы мы подошли к истолкованию чувств своей прабабушки с писательской субъективностью. Описанные нами события действительно происходили, но мы повествуем о них на свой манер. Мы выбрали точку зрения самой жизни, чтобы рассказать о том, какой она была для Габриэль Бюффе.

Анн и Клер Берест

* Цитаты из документальных источников (писем, книг, публикаций и т.д.) выделены курсивом. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

ОБВОРОЖЕНИЕ (ОКРУЖЕНИЕ)*

На нее не сразу обратишь внимание. В ней нет ничего необычного: средний рост, скромная фигура, длинные каштановые волосы, собранные в объемный пучок, — темное и манящее, скрытое от всех богатство. Лицо Габриэль Бюффе не назовешь миловидным. В нем нет никакого кокетства. Подбородок, к примеру, слишком большой. Да и лоб тоже. Причудливого разреза глаза прячутся под густыми, словно нарисованными мокрым углем, бровями, за которыми с трудом можно угадать цвет радужки. Эта женщина ни красива, ни уродлива — тут что-то другое. Если внимательно взглядеться в это довольно заурядное лицо, замечаешь, что бледный рот похож на два птичьих крыла. Скулы выступают. Вместе получается невероятно решительное выражение. Такое, что хочется тут же уловить ее взгляд. Проследить за ним.

* Названия большинства глав совпадают с названиями картин Франсиса Пикабиа.

В 1908 году Габриэль двадцать семь лет. Она приехала в Берлин закончить музыкальное образование, начатое в Париже. Молодая независимая женщина. Ни мужа, ни детей, ни обязательств. Она живет в свое удовольствие, живет как мальчишка. Зарабатывает, играя в оркестрах, и ни перед кем не отчитывается.

Со своими новыми берлинскими друзьями Габриэль проводит каникулы в Швейцарии, в летнем шале. Там происходит удивительное знакомство:

В то время около Женевы было огромное количество домиков, которые снимали русские беженцы. Так я познакомилась с Лениным, он был моим соседом. Я видела, как он выходит из дома, — не более того — и только подумала, что у него очень красивая голова.

Семейная легенда гласит, что у Габриэль была интрижка с Лениным. Доказательств нет ни в одном источнике, так что мы сомневаемся в этом. Но интересен сам факт существования легенды. Вот уже многие десятилетия принято считать, что Габриэль прельщали исключительно революционеры — в политике или в искусстве.

После каникул в швейцарских горах Габриэль возвращается во Францию, чтобы навестить мать и своего брата Жана. Как многие военнослужащие того времени, ее отец, выйдя в отставку, поселился в Версале, богатом и тихом городе с собственной сетью электрических трамваев, ранее работавших на конной тяге.

Габриэль не очень любит эти поездки в Версаль; то, что радует в первые дни, вскоре начинает ей надоедать: семейные ритуалы, неизменные жесты, одни и те же разговоры. Габриэль не семейный человек и никогда им не станет — даже со своими детьми. Особенно со своими детьми.

Конец летнего сезона 1908 года знаменует прекрасный сентябрьский день. Мать Габриэль накрывает на стол в садовой беседке. Она счастлива, ведь рядом будут двое ее взрослых детей; на ней розовое платье, солнце просвечивает сквозь листву, оставляя яркие пятна на белой скатерти, — мы словно внутри картины Ренуара.

Но у мадам Бюффе тяжело на душе: это последний семейный обед нынешним летом — Габриэль вернется в Берлин, Жан поселился в Морé-сюр-Луан, и она снова останется одна в своем огромном доме. Жан — художник и выбрал для жизни скромную деревушку в департаменте Сена и Марна, потому что именно там были написаны пейзажи, украшавшие многочисленные полотна импрессиониста Альфреда Сислея, которым он глубоко восхищался. Сислей изобразил церковь в Море-сюр-Луан, мост в Море-сюр-Луан, тополя в Море-сюр-Луан и улицу Таннери... Поэтому Жан спустя пятнадцать лет делает примерно то же самое. Не поздно ли? Жан вообще человек не самый прогрессивный, он скорее старомоден, по мнению Габриэль, которая привержена музыкальному авангарду. Он принадлежит к поколению юных неоимпрессионистов — *молодых*

последователей давно устаревшего движения. Жан, безусловно, талантлив, и даже очень, но Габриэль не трогают ни приятные глазу сюжеты, ни стройность композиции, ни даже впечатляющая игра цвета, которую ему удастся создавать на заснеженных пейзажах. Для нее импрессионисты шли против правил во времена молодости папы и мамы. А теперь пишут правила сами.

Но вернемся в сентябрьский день, когда Габриэль с матерью сидят в саду, где цветет белая глициния — в том году довольно поздно. Мать и дочь прерывают молчание, только чтобы оно не становилось невыносимым, — им не в чем упрекнуть друг друга, но и не о чем говорить. Жан все еще не приехал. Его ждут к обеду, и он обещал быть вовремя.

Через некоторое время Габриэль с матерью приступают к трапезе, рассчитывая, что тут он и появится. К десерту они смиряются с мыслью, что Жан не приедет, и каждая займется своими делами, чтобы унять тревогу. День клонится к вечеру. Габриэль готовится вернуться в Германию и укладывает вещи, ей не терпится снова оказаться в Берлине: эти летние каникулы — словно долгая бессонная ночь, Габриэль задыхается дома. Она мечется по комнате. Комод пахнет воском и хранит ее скромные платья, сплошь голубые и серые. Красивые и блеклые, как резеда.

В версальском соборе Святого Людовика звонят к вечерне. Брата все еще нет, и Габриэль внимательно слушает колокольный перезвон, торжественный и низкий

гул массивной бронзы. Вдруг возле дома раздается странный шум — громкое шуршание гравия. Габриэль спешит к окну своей комнаты и видит: к ним во двор заезжает автомобиль. В начале двадцатого века это зрелище невероятное и пугающее — все равно что в наши дни увидеть у себя в саду приземлившийся вертолет. Но Габриэль без труда угадывает, в чем дело.

Вот уже несколько недель у ее брата только и разговоров, что об одном «потрясающем человеке», с которым он познакомился в Море-сюр-Луан *in situ** — на пленэре, в прямом контакте с природой, по заветам великих мастеров. Они писали в одно и то же время и ставили мольберты в одних и тех же местах. Понятное дело, между ними завязалась дружба. Об этом человеке Габриэль слышала еще в Германии — это модный художник, которого все считают выдающимся, молодой импрессионист с испанской фамилией Пикабия.

Каждое упоминание о новом друге брата почему-то вызывает у Габриэль раздражение. И чем больше Жан расхваливает достоинства своего товарища, тем сильнее она нервничает.

До знакомства с Пикабия я слышала о нем многое, — расскажет она потом. — Но его буржуазное окружение, все эти богатые дедушки внушали мне ужас...

Габриэль с досадой наблюдает, как из машины выходит невысокий худощавый человек, тонкий и гибкий в талии.

* на месте (лат.).

Когда же мать просит ее спуститься и «встретить мальчиков», она приходит в себя, готовясь выдержать испытание ужином. Уверенной рукой разглаживает воротник платья, словно актриса, поправляющая костюм за кулисами, и оглядывается по сторонам, растерявшись всего на мгновение: чего же не хватает? — да нет, вроде всё в порядке.

Габриэль выходит к столу, где все уже ждут ее. Она садится прямо напротив этого художника с черными горящими глазами, смуглой кожей, густыми бровями и едва заметными усами. Он ведет себя с непринужденностью человека, чей ум, как вишенка на торте богатства, позволяет чувствовать себя легко в любом обществе и при любых обстоятельствах.

Этот молодой человек — воплощение всего, что ей ненавистно. Он рисует, пусть и хочет убедить всех в обратном. Она рассматривает его тайком. Ей кажется нелепым сочетание безупречно черных шелковых носков, широких коричневых бархатных штанов, обтрепанных снизу за долгие часы работы на природе, и новеньких, сверкающих ботинок из мягкой кожи на его изящных ногах. Роскошная небрежность образа проработана до мельчайших деталей. На нем артистическая блуза, белая и широкая, закатанные рукава которой никогда не знали пуговиц. От него пахнет гремучей смесью льняного масла, смолы, одеколона и эфирных эссенций. Ее подташнивает от этого аромата, ей мучительно его вдыхать.

Габриэль сидит напротив Франсиса, и атмосфера в столовой сгущается. Между старой розовой фарфоровой

супницей и золотыми настольными часами с бронзовыми слониками Габриэль вдруг становится очень жарко. Чтобы скрыть смущение, она берет ложку и первая принимается за еду.

Мадам Бюффе спешит загладить промах дочери и тут же тоже берется за приборы, а потом мужчины с гордостью рассказывают, что задержались из-за поломки автомобиля. Художник притворно извиняется, что похитил их дорогого Жана. И пользуется моментом, чтобы перехватить взгляд барышни. Именно ради нее Франсис Пикабия приехал в Версаль. С тех пор как Жан рассказал ему о своей сестре, он просто одержим желанием познакомиться с ней. Эта женщина-композитор, живущая одна в Берлине, чрезвычайно его интересует. Желая подобраться к ней поближе, он готов упрочить дружбу с Жаном, довезти его до дома на машине — все это лишь для того, чтобы получить приглашение на семейный ужин. И вот теперь, в ее присутствии, он ищет в ней соратницу, тайную союзницу, хочет понять, что на уме у этой свободолюбивой девушки, но Габриэль не открывается ему, не хочет участвовать в этих играх и дает уклончивые ответы...

Вы спрашиваете о берлинских выставках; я осмелюсь признать свое невежество, полную неосведомленность в вопросах живописи, ведь музеи и выставки навешают на меня лишь усталость и скуку...

Габриэль, конечно же, лукавит. Она уверяет Франсиса Пикабия, что не слышала о его выставке, — можно подумать, будто она ничего не знает и о нем самом.

Пикабия тогда уже успел прославиться, — расскажет она потом, — я знала, что он заметный человек в художественных кругах. Но он влюбился в меня с первого взгляда, а я была с ним жестока, сказала, что не ходила на его выставку в Германии.

Габриэль Бюффе задевает гордость художника, ведь Франсис Пикабия привык, что им интересуются. Звезда модных салонов, он всюду нарасхват. Обескураженный, он теряет самообладание и начинает изумляться: что, почему, да как это возможно, неужели она не слышала о его берлинской выставке? Она же пользовалась колоссальным успехом! Франсис хвалится, надувается как индюк, упоминает, что о нем вышла книга, — да-да, ему еще нет и тридцати, а он уже стал «объектом исследования»; и название у книги солидное: «Пикабия, художник и гравер-аквафортист», и автор Эдуард Андре — большой ученый. Он обещает завтра же прислать мадам Бюффе и ее дочери экземпляр с посвящением. Габриэль этот тип кажется бесцеремонным и грубым; она общалась со всемирно известными музыкантами, настоящими маэстро, которые вели себя гораздо скромнее, чем этот импрессионист-маляришка. Естественно, Франсис это чувствует, но не знает, как выйти из положения, — изображать скромность теперь будет только хуже. Он опрокидывает бокал вина на скатерть, рассыпается в извинениях. Жан не понимает, почему обычно столь любезная сестра с таким презрением относится к его новому другу. Он пытается склеить осколки беседы, напоминает сестре

о ее давнем увлечении живописью, когда учитель музыки отправлял ее в художественные галереи. Но Габриэль холодно возражает, что это время прошло и прогулки по музеям — тем более художественным — больше не доставляют ей никакого удовольствия.

Разговор и ужин подходят к концу. Молодым людям надо в тот же вечер вернуться в Париж. Габриэль намекает, что у нее тоже есть дела в столице. Франсис предлагает ее подвезти. Втроем они отправляются в путь, но, едва выехав за ворота, машина Пикабиа снова ломается. В начале века постоянные и необъяснимые поломки автомобилей составляли неотъемлемую часть дорожных приключений, поездка без технических трудностей была большой редкостью. Каким-то чудом за пару сотен метров от места, где они остановились, оказывается гараж. Нужно было дотолкать туда машину, и Габриэль на глазах у изумленного Пикабиа спокойно закатывает рукава, чтобы помочь мужчинам.

Потом Габриэль расскажет, что, «смирившись», а скорее разозлившись на этого горе-водителя, который не в состоянии справиться с собственным автомобилем, она вошла в гараж, измазанная машинным маслом, и села на кучу старых покрышек.

Вот на этом неудобном импровизированном стуле, на груде каучука, в тихом уголке где-то между Версалем и Парижем наконец пробуждается судьба. Франсис Пикабиа, умолкший после десерта, недовольный вялым интересом к его персоне, подходит к шинам и под действием

странной смеси раздражения, чистосердечия и ярости бросает Габриэль прямо в лицо:

— Живопись надоела мне гораздо больше вашего!

— Вот как? А что же вас тогда интересует?

— Все что угодно кроме!

— Тогда зачем же вы ею занимаетесь?

— Если бы я не был связан контрактами и выставками, я бы в жизни не написал больше ни одной картины!

— Правда? Вы перестали бы писать?

— По крайней мере, в этом стиле. Я знаю, что существует другая живопись, живущая сама по себе, живопись, которая не нуждается в объектах изображения.

Габриэль оживляется. Наконец-то. Этот язык ей понятен, эти концепции превосходно известны ей по музыкальной сфере. Правда, она никогда не думала, что их можно применить к картинам.

— Так как же вы будете писать?

Впервые за вечер с лица девушки исчезает презрительное и насмешливое выражение. Она искренне ждет ответа, который ее удивит. Но художник не знает, что сказать. Как ответить на этот ошеломляющий, безрассудный вопрос, возможно, самый важный из всех, что ему когда-либо задавали в жизни: как же теперь писать? Стоя в гараже, в этой старой деревянной постройке, среди наваленных друг на друга кузовов, полых цилиндров и разобранных машин, пока механик, которого оторвали от семейного ужина, показывает Жану, как починить двигатель, под мерцающим светом лампочки, чудесным

образом падающим откуда-то из-под крыши, Франсис Пикабия делает ровно то, что следует делать, если не знаешь ответа: он задает вопросы. Габриэль отвечает «исходя из своих музыкальных соображений».

— Ну что ж, раз вы такая умная, не подскажите ли мне, как писать?

— Вам нужно написать картину, которая выразит чистую идею ее создателя, — отвечает она.

От этого ответа Франсиса Пикабия бросает в дрожь, но он не отступает:

— Прекрасно. Но что же делать создателю, когда вокруг столько вещей, которые можно изобразить?

— Так не нужно ничего изображать, вот и все.

Словно вспышка, перед глазами Франсиса Пикабия промелькнуло видение: он предчувствует великолепный хаос, который способны породить эти слова. Перед ним открывается горизонт головокружительной широты. Ее фраза созвучна его собственным мыслям, уже несколько месяцев крутящимся в голове, это ключ к тем образам, которые ускользают от него всякий раз, когда он подходит к мольберту, — хаотичным, безумным, свободным образам, для которых до этого момента не было подходящих слов.

И на самом деле в тот момент между нами возник союз. Да, союз в широком смысле этого слова — не только творческий, но и человеческий.

На втором часу беседы им все-таки приходится прерваться — пора ехать дальше.

После нескольких неудачных попыток мотор завелся и оглушительно заревел, мы устроились под пледами, подбитыми беличьим мехом, и отправились в путь.

Габриэль и Франсис ошеломленно молчат в дороге. Они смотрят, как фары автомобиля на полном ходу освещают ночь. Эта магия скорости и электричества — словно метафора того, что происходит у них внутри, в головах проносятся тысячи мыслей, доводов, примеров, идей. Им нужно столько всего обсудить. В Париже Франсису и Габриэль наконец удается избавиться от Жана, чтобы снова остаться вдвоем и продолжить разговор. Около двух часов ночи они ставят машину у дома 15 на улице Моро, рядом с монмартрским кладбищем. Перед ними «Вилла искусств» — усадьба для художников, построенная при Людовике XV. Несмотря на поздний час, Франсис хочет, чтобы Габриэль непременно посетила его мастерскую.

Обычно Франсис приводит на виллу девушек, чтобы их впечатлить: суэта мастерских, модели, которые приходят и уходят, посыльные от разных торговцев — есть в этом что-то эротическое, пьянящее. Он приглашает девушек в мастерскую, чтоб уложить их к себе в постель. Но в этот раз Франсис даже не помышляет о подобном. Он желает лишь одного: показать Габриэль свое полотно, которое докажет ей, что все, о чем она говорит, уже приходило ему в голову.

Эта жаркая сентябрьская ночь, когда свечи в окнах мастерских навевают мысли об эпохе Просвещения, — словно

идеальная первая ночь любви. Но романтика их не волнует. Они не видят всей этой красоты, потому что погружены в свой разговор, ведь у них есть дела поважнее. Франсис обещает показать Габриэль картину *без малейших следов изображения или преобразования природных форм, какими мы привыкли их выделять в пространстве согласно шаблонам зрительного или художественного восприятия*. Посреди дороги, ведущей к «Вилле искусств», Франсис останавливается и смотрит прямо на нее:

— Вы ведь понимаете, о чем я говорю?

Габриэль, конечно, понимает; более того, она единственная, кто способен его понять. Франсис Пикабия прекрасно осознает это, он притягивает к себе ее лицо — не для того, чтобы поцеловать, а чтобы убедиться в реальности этой прекрасной головы. Он потрясен тем, что наконец нашел собеседницу, — это он-то, чьи творческие поиски до сих пор *встречали лишь непонимание со стороны окружающих и повсеместно считались безумными*.

Войдя в мастерскую, он зажигает несколько свечей и три керосиновые лампы, а потом начинает перебирать полотна, десятками стоящие на полу вдоль стен. Габриэль отмечает, что в комнате не жарко, но запах скипидара, эфирного масла из сосновой смолы, очень резкий, от него ее подташнивает и у нее кружится голова. Она не знает, куда смотреть, куда присесть или поставить чемодан. По ее телу пробегает дрожь. Такое бывает, когда впервые проникаешь в личное пространство человека и вдруг осознаешь: с ним ты не только займешься любовью,

но и, возможно, поделишь дни, ночи и годы. Она рассматривает картины, книги, одежду, разбросанную тут и там, — всю эту жизнь, которая шла своим чередом и вдруг открылась перед ней: детские фотографии, белый умывальник, кисточки в банках, стопки писем, талисманы, открытки на стене, посуда из разных сервизов, несколько монеток, выпавших из кожаного кошелька, статьи, вырезанные из газет. Габриэль стоило бы насто- рожиться, увидев пару забытых кем-то туфель на высо- ком каблуке, перламутровую пудреницу и губную помаду «Ne m'oubliez pas» от Guerlain, которой пользовались лишь женщины свободных нравов и актрисы.

Не находя в своем ужасном бардаке нужной картины, Франсис Пикабия мимоходом показывает десятки пей- зажей, написанных недавно в Море-сюр-Луан рядом с ее братом Жаном. Он просит ее высказаться о них честно, без обиняков.

— Не щадите меня, — умоляет он.

— По правде говоря, меня тошнит от всей этой импрессионистской дребедени, — отвечает она.

— Так меня тоже! Меня тоже! — кричит он как сума- сшедший.

И, перебирая свои составленные у стены импрессио- нистские полотна, швыряет их на пол посредине ком- наты, злясь на самого себя:

— Да я же их как пирожки штамую! Булочник хотя бы людей таким образом кормит. А от меня ника- кой пользы. Только деньги получаю!

Вдруг в руках Франсиса оказывается полотно с яркими, кричащими цветами и расплывчатыми формами — вот что он так долго искал. Эта картина не изображает реальности, она свободна от *шаблонов зрительного или художественного восприятия*.

— Видите! Я вам не лгал, — восклицает Франсис, потрясая картиной.

Но Габриэль лишь морщится:

— Что ж, интересно, пожалуй. Но этого недостаточно.

Вместо того чтобы обидеться, Франсис Пикабия чувствует, какие возможности открывает такая постановка вопроса. Эта женщина права, нужно идти дальше, бить сильнее. Его мысли проясняются, будто все вдруг встало на свои места. Габриэль кивает ему в знак полного согласия, и ободренный Пикабия произносит речь — слова льются, сметая все на своем пути, словно бурный поток:

— Я хочу писать цвета и формы вне их чувственного восприятия. Создать мир с нуля, используя лишь свои желания и воображение, чтобы картина стала чистой выдумкой. С древнейших времен и до наших дней художник успешно старался изобразить то, что любой человек среднего ума мог бы легко узнать: оригинальную модель. Я же ищу чего-то совсем другого.

Видя, что я почти покорена, Пикабия продолжал развивать свою мысль и, не скупясь на слова и образы, доводил ее до совершенства.

Такой была их первая ночь.

Габриэль никогда не будет говорить о любви. Никогда не скажет: «Я его любила, и он меня любил». Между ними противоборство, порождающее творческую мысль, это начало бесконечного разговора, общение в этимологическом смысле слова.

Словно капля наэлектризованной синей краски разливается по небу за высокими окнами мастерской — скоро рассвет. Франсис и Габриэль немного устали. Они молчат. Они знают, что будут целоваться, знают, что это неизбежно, ведь никто из них не сможет устоять, но сейчас их волнует совсем другое.

— Ночь весит больше дня, — говорит Франсис Пикабиа.

— С чего вы это взяли? — спрашивает Габриэль.

И Франсис рассказывает, что в детстве отец подарил ему весы. Это были прекрасные весы с двумя большими медными чашами и блестящими круглыми гирями. Он принялся взвешивать все, что попадалось под руку: свои игрушки, столовые приборы, дедушкин одеколон, сахар, книги и даже мух. Однажды ему вздумалось поставить весы у окна. Он заслонил чем-то одну из чаш, чтобы она оказалась в тени, а другая осталась на солнце, потому что хотел узнать, будет ли тень тяжелее света. Стрелка наклонилась в сторону тени — так он и сделал этот вывод.

На улице уже окончательно рассвело, заканчивается их первая ночь — они не занимались любовью, но с не меньшим наслаждением говорили без остановки. Франсис

Пикабия предлагает Габриэль прилечь на его кровати — сам он пойдет прогуляться, чтобы дать ей побыть одной и немного отдохнуть. Она соглашается. Франсис идет дышать свежим утренним воздухом на Монмартр. Этот район Парижа, с его дымом из печных труб, домишками, наползающими один на другой, и плохо уложенной мостовой, напоминает деревню. Пораженный встречей с Габриэль, ошеломленный произошедшим, Франсис идет пить кофе к Арвису, который только что вывесил плакат с рекламой мюнхенского пива. В «Молочной капле» Франсис покупает литр молока за 20 сантимов. На улице Клиньянкур оживает блошинный рынок, и вдалеке Франсис узнает силуэты Пабло Пикассо и Макса Жакоба: они возвращаются в «Бато-Лавуар» после ночной попойки. Оба испанца, чьи фамилии начинаются с «Пика», — Пикассо и Пикабия — недолюбливают друг друга, так что Франсис переходит на другую сторону дороги, чтобы не растерять владеющей им эйфории. Париж просыпается: на улицах появляются торговцы, работяги, запоздалые гуляки; в пекарне «Де ла Галетт» Франсис покупает для Габриэль круассаны, а у крестьянки, торгующей фруктами и овощами с тележки, — красивое яблоко. Целый пир. Он уже без ума от нее. Уже зависим от нее. И ни за что не хочет с ней расставаться.

Одни мужчины преклоняются перед молодостью, другие — перед красотой, некоторые — перед добротой и любезностью, а Франсис Пикабия в сентябре 1908 года

не смог устоять перед разумом. Он встретил умнейшую из женщин, которых ему когда-либо доводилось знать, — такого природного ума не найдешь ни на светских приемах, ни на концертах, ни в театре, ни в залах собраний... О том, чтобы дать Габриэль уехать в Берлин, не может быть и речи.

• • •

— Габриэль Бюффе было двадцать семь лет, когда она встретила Франсиса Пикабия. В этом же возрасте покончил с собой наш дед Висенте Пикабия, их младший сын.

— И правда. Я не задумывалась об этом.

ДЕВУШКА В РАЮ

Неудивительно, что Пикабия был покорен этой прекрасно образованной девушкой и ее блестящим умом: по образу мыслей и действий она опережала не только свое окружение, но и эпоху в целом.

Чтобы понять это, нужно вернуться на десять лет назад. К моменту, когда Габриэль решила стать композитором.

Габриэль Бюффе семнадцать лет.

Она хочет совершить музыкальную революцию. Она никогда не выйдет замуж. Музыка станет единственной спутницей ее жизни.

Габи — девушка современная.

На дворе 1898 год. Для поступления в музыкальное училище абитуриентке надо выступить лучше всех — так, чтобы в ее превосходстве не сомневались даже самые консервативные члены жюри. И тем не менее Габриэль решает попытать счастья и сдавать вступительный экзамен в Парижскую консерваторию.

Ведущая музыкальная школа Франции изредка принимает женщин на оркестровое или вокальное отделения. А вот композиторское, самое престижное из всех, дамам практически недоступно. Девушке можно быть певицей, позволительно — пианисткой или скрипачкой, но композитором — нет, это уже чересчур. Создание музыкальных произведений требует качеств, которыми Бог просто не мог наделить женщину: в первую очередь это способность мыслить абстрактно.

Габриэль это не смущает. Для смелого сердца или, скорее, ума нет ничего невозможного. Она полна решимости. Но в конце девятнадцатого века одной решимости еще недостаточно.

Ее не принимают.

Габриэль попадает в ловушку. Ведь если она не будет учиться, родители скоро потребуют, чтобы вместо рояля в ее комнате появился муж, — вот что ужасно. У Габриэль совсем не девичьи мечты. В свои семнадцать она мечтает об ослепительных просторах и одиноких горных прогулках, мечтает познакомиться с Козимой* в Байройте, мечтает однажды сочинить новаторскую оперу, избавленную от бремени музыкальных традиций... Анахронические мечты, неприемлемые по меркам того времени.

Придется изменить мечты.

* Козима Вагнер (1837–1930) — жена композитора Рихарда Вагнера, соосновательница Байройтского оперного фестиваля. — *Прим. ред.*

Или изменить время.

Нужно устроить все как можно скорее. Найти музыкальное училище, в которое ее примут, — лишь бы избежать замужества. Но она не знает, где искать.

Чудесным образом до Габриэль доходят слухи о новой школе, недавно основанной Шарлем Бордом, Венсаном д'Энди и Александром Гильманом: Канторум*. Говорят, что там привечают авангардистов и, кажется, женщин тоже. Злые языки болтают, что школа принимает девушек потому, что просто не может отказаться от финансовой поддержки со стороны своих учениц. Ну так что ж! Лиха беда начало. Вступительные экзамены проходят в ноябре. Габриэль берется за подготовку с неистовством приговоренного. Это ее последний шанс спастись от петли на шее.

До осени Габриэль уезжает в Юрú**, чтобы в одиночестве готовиться к экзаменам. В Париже, равно как и в Версале, ее ничто не держит. Она сама по себе. Но в детстве она решила, что ее домом будет Юра. Ей нравится это место, здесь она черпает силы, стойкость и вдохновение. Здесь, в компании коров, во время долгих горных прогулок Габриэль нащупывает контрапункт и физически чувствует, как в ней рождается музыка, как боль и радость наполняют ее молодое тело, каждый ее мускул, как некоторые музыкальные связи вызывают в ней непостижимые чувства: кожа реагирует на любые

* Школа Канторум (лат. Schola Cantorum) — частная музыкальная консерватория, основанная в Париже в 1894 году.

** Юрú — горы и департамент на востоке Франции.

изменения гармонии, на все апподжиатуры*, ее потрясают новые, неведомые созвучия. Сердце девушки занято только музыкой, мужчины ее совершенно не интересуют.

В конце августа 1898 года Габриэль возвращается в Париж. Столицу лихорадит — она уже вышла из летней спячки. Началось строительство первой линии метрополитена, которая проляжет между воротами Порт-Майо и Порт-де-Венсен. Габриэль впитывает оттенки Парижа: серые и угольно-черные цвета стен и крыш домов Латинского квартала, синеву роб водопроводчиков, белизну штукатурки, толстый коричневый бархат плотницких штанов. Девушка тоже облачается в форму — отправляясь на экзамен в школу Канторум, она надевает корсет и новые неудобные ботинки с каблуком-рюмочкой. Она уже скучает по простоте жизни в горах, но готова вытерпеть любые корсеты, лишь бы пройти отбор.

С этим мадемуазель Бюффе справляется блестяще.

Жюри решает, что абитуриентка бесспорно обладает всеми нужными качествами, чтобы стать хорошим композитором. Венсан д'Энди, директор школы, в этом абсолютно убежден. Он принимает Габриэль, единственную женщину, на курс, хотя ему приходится идти на риск. Причем большой — ведь ученица на таком престижном

* Апподжиатура — мелодическое украшение или длинный форшлаг, диссонирующий по отношению к основному аккорду.

отделении может навредить репутации школы, которая и так стала предметом споров доброжелателей и врагов из Консерватории.

Чтобы по достоинству оценить этот поступок, нужно вспомнить, как жилось девушке вроде Габриэль в обществе образца 1898 года: она не имела права носить брюки (исключение — езда верхом или на велосипеде), не имела права работать без позволения мужа, не имела возможности осваивать некоторые профессии, преподавать латынь, греческий или философию, не могла самостоятельно получить паспорт, голосовать, участвовать в политике, свободно распоряжаться своим жалованьем и даже телом. Но зато — хоть какая-то компенсация — осенью 1898 года Габриэль позволили поступить на композиторское отделение школы Канторум.

Вот оно, начало революции.

Габриэль девятнадцать, на дворе 1900 год. Прямой и уверенный взгляд — взгляд девушки, ставшей ученицей самого звездного класса школы, где будущие композиторы держатся обособленно и с вдохновенным видом мечтают о блистательной судьбе. Она словно аномалия среди всех этих лиц, украшенных усами по моде Прекрасной эпохи. Она — ошибка. И гордится этим. Габриэль не кокетка, это сразу видно. Она не следит за модой, не носит велосипедных платьев, оголяющих лодыжки, не пытается подчеркнуть фигуру при помощи новых корсетов S-образной формы, призванных обуздать бедра

и утоньшить талию. Ее не интересуют ни шелка, ни кружева.

Габриэль не пытается влиться в общество коллег-мужчин, она отрывается от работы, только чтобы посетить концерт. У нее очень строгий график: занятия начинаются на рассвете — сначала класс сольфеджио, музыкальных инструментов, потом история композиции, основы гармонии, правила аранжировки и оркестровки... Это колоссальный труд, но Габриэль, как и все ее соученики, готова работать днем и ночью. Она в восторге от принадлежности к этому новому учреждению, претендующему на звание школы музыкальной мысли: здесь все будет переизобретено — способ преподавать музыку, исполнять и сочинять ее.

Меньше чем за десять лет Канторум потеснила все остальные музыкальные училища и стала единственным конкурентом Консерватории. Школа подрывает все каноны. Студенты заново открывают Глюка и Жана-Филиппа Рамо, чьи произведения не исполнялись со времен Революции. Венсан д'Энди разучивает с учениками все кантаты Баха, до тех пор неизвестные! Классы по композиции превращаются в настоящее поле боя, где Габриэль впервые берется за оружие и познает удовольствие от битвы, из которой уже никогда не выйдет, — она будет сражаться за авангард до конца своей жизни.

Вопросы преподавателей потрясают, опьяняют Габриэль: для чего нужны ноты? Можно ли сыграть эту

мелодию на каких-то других музыкальных инструментах? Или даже на чем-то кроме них? Все ли звуки рождают музыку? Примерно теми же вопросами позже задастся современная живопись: для чего нужны цвета? Можно ли изменить их, расшатать цветовой спектр? Можно ли писать чем-то кроме красок? Всё ли можно изобразить на картине?

В школе Габриэль обретает силу. Она понимает: чтобы создать новый музыкальный язык, нужно вдохновляться любыми эмоциями, которые в ней вызывает искусство, — грозами живописи, ливнями поэзии.

Годы обучения в школе пролетают быстро, и все это время Габриэль не покидает волнующее чувство, что она переживает какой-то перелом.

В 1906-м, за два года до встречи с Франсисом Пикабиа, Габриэль получает диплом об успешном окончании музыкальной школы. Вместе с семьей она проводит лето в Этивале, в своих обожаемых горах, чтобы, наслаждаясь тишиной на просторах Юры, спокойно писать музыку. Родители тем временем в нетерпении: когда же она представит им какого-нибудь молодого человека?

Эта неотложность оскорбляет ее.

Габриэль почти 25 лет. И мысль о том, что придется заниматься любовью с мужчиной, повергает ее в пучину отчаяния. Она может взять штурмом гору. Но не мужское тело... Это совсем другое. Она чувствует странное отторжение.

Но ей нужен жених. Под предлогом участия, на правах выпускницы, в организации вступительного экзамена в своей школе Габриэль уезжает в Париж. Там она в одиночестве празднует свой день рождения. Через несколько дней, 25 ноября, город наряжается в желтый и зеленый: цвета праздника святой Екатерины. В этот день «катеринетки», то есть незамужние девушки старше двадцати пяти лет, проходят по улицам в разных шляпках — чем необычнее, тем лучше, — чтобы «покрыть голову Екатерины»: начало этой традиции положили модистки. Цвета праздника наводняют витрины, где продаются шляпы всевозможных видов (есть даже сладкие, украшенные конфетами и выпечкой). Флористки выставляют на прилавках веточки цветущего апельсина, а уличные торговки предлагают прохожим букеты из одуванчиков, которые девушки в шутку прикалывают к волосам. «Катеринетки — южные кокетки», — смеются парижане, поскольку модистки обычно происходили с юга Франции. Катеринетки ходят группами, с вызовом во взгляде и весельем на устах; они бродят по проспектам столицы под овации и насмешки прохожих. Поприветствовать девушек приходят и юные аристократы, и студенты из Латинского квартала. В конце концов девушки сполна одарят их своим вниманием, пригласив на вечерний бал — бал «последней надежды», куда нередко приходится вторгаться полиции, чтобы унять расшумевшуюся молодежь.

В этой радостной толпе Габриэль чувствует себя удрученно. Не только семья, но и общество в целом

предписывают ей обзавестись мужем. В этом параде свободных сердец она видит лишь шествие тел, жаждущих обретения хозяина. А она ведь хочет объездить весь мир, жить ради музыки, писать, творить. Что станет с мечтами о композиторстве, если ей придется пеленать детей?

Поэтому Габриэль решает уехать из Парижа.

Выбор падает на Берлин, куда стекаются молодые музыканты со всей Европы. Она набирает побольше учеников из богатых аристократических домов — дает детям уроки игры на фортепиано, покупает учебник немецкого, чтобы освежить свои знания, и втайне готовится к большому путешествию.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
1. Обворожение (окружение).....	7
2. Девушка в раю.....	25
3. Композиция.....	34
4. Франсис Пикабия: автопортрет.....	48
5. Мужчина и женщина на берегу моря	64
6. Процессия в Севилье.....	73
7. Тень прекраснее натурщицы.....	88
8. Двоемирие.....	103
9. Горящие глаза	108
10. Остерегайтесь живописи.....	123
11. Любовный парад.....	137
12. Он как поэзия	146
13. Адам и Ева.....	158

14. Наложение голов	164
15. Танцовщица в атлантическом круизе.....	184
16. Музыка как живопись	201
17. «Каннибал»	217
18. Безымянная машина	239
19. Нью-Йорк, воспринятый через тело	248
20. Испанская ночь	272
21. Вертящиеся кюлоты	286
22. Пароксизм боли	301
23. Вот она, женщина	308
24. Трусость утонченного варварства	316
25. Funny guy.....	326
26. Точки	340
Эпилог.....	347
Библиография	350